



НЕОБЫКНОВЕННЫХ надгробьях сакалавов я слышал еще до войны. Французы, которым привелось добираться до них, понизив голос, перечисляли пикантные детали резных изображений на гробницах, а после второй-третьей рюмки аператива вытаскивали фотографии и украдкой показывали их приятелям.

И вот надгробья сакалавов передо мною. Они немногим отличаются от тех, что я видел несколько лет назад на юге острова, у антандруев — как, впрочем, и от любых других в разных провинциях Мадагаскара. Сложенный из множества мелких камней могильный холм образует прямоугольный блок высотой почти в полтора метра с боковинами протяженностью до двадцати шагов. Где-то в центре его под слоем камня покоятся останки умершего с предоставленным ему в вечное пользование оружием и разного рода ценностями. Часто здесь же захоронено несколько невольников и невольниц, принесенных в жертву во время церемонии погребения, чтобы их господину не пришлось скучать в одиночестве.

Так же как и на юге, боковины каждой могилы обрамляло несколько алуалу — резных деревянных досок. В верхней части их и красовались пресловутые барельефы, представляющие людей более чем в половину натуральной величины. Ниже были изображены птицы и коровы.

Первый же взгляд, брошенный мною на ближайшую могилу и следующую за ней, заставил меня подумать, что это, очевидно, не то кладбище, о котором столько говорено. Здесь не было эротических изображений. Здесь господствовал дух спокойной меланхолии, столь характерный для старых кладбищ, где давно развеялась печаль, где шумят деревья, порхают птицы и насекомые, ярко сияет солнце. Дни отчаяния миновали, горе улеглось.

Повсюду была разлита умиротворяющая тишина. И когда взявшийся неведь откуда черно-желтый мотылек папилио пустился в свой замысловатый

всей вероятности, самые благородные чувства — и люди — безусловно, наиболее близкие сердцу усопшего, хотя изображены они весьма обобщенно. И тем не менее человеческие тела и особенно лица, выполненные почти в абстракционистской манере, были настолько выразительны, в таком концентрированном виде доносили замысел автора, что не могли не свидетельствовать о высоком классе мастерства художника.

Слово, которым малагасийцы называют резные изображения на гробницах, — «алуалу» — означает «посредник» — посредник между миром живых и миром умерших. Не подлежит сомнению, что резьба эта — наследие великой древней полинезийской культуры. Пришельцы с Востока с далеких островов Океании, сакалавы, так же как южные племена антандруев и махафали, счастливо уберегли свои художественные традиции, чего не сумели сделать мерна, господствовавшие некогда на Большом острове.

Эротическое изображение я обнаружил лишь на последней могиле. Да, это было явно не то кладбище, о котором сообщал француз Мириам Арри. Описанные им надгробья воистину свидетельствовали о полной безудержности воображения сакалавских резчиков. На пяти или шести тамошних могилах было около тридцати алуалу, и только малая их часть скромно представляла птицу или мужчину в полном боевом убранстве, со шлемом на голове. Все прочие отличались необузданной эротикой. Первое впечатление ошеломляющее — порнография.

Насколько мне известно, так думало большинство побывавших здесь европейцев. Эти решали проблему просто: пошлость. Другие считали, что тут своеобразная форма мести резчиков покойнику, который им насолил при жизни и на которого они после смерти ставили клеймо распутника. Обе версии равно далеки от истины. Это не более как ошибочная попытка измерить европейским аршином натуру малагасийца. И я присоединяюсь к мнению Мириам Арри: изображения, столь откровенно эротические, отнюдь не свидетельствуют о безнравственности малагасийцев. Они недвусмысленно провозглашают триумф жизни над смертью. Это ликующее, специфически малагасийское, утверждение идеи плодородия — слов нет, выраженной в форме откровенной, грубой, для европейского восприятия слишком натуралистической, отталкивающей неприличной — и тем не менее истинно малагасийской. Создавая свои произведения, художники наверняка не думали о том, насколько это будет пикантно; они запечатлевали великий акт зарождения жизни в наиболее выразительной, с их точки зрения, форме.



Тайна Большого острова

А. ФИДЛЕР

полет над могилами, это показалось мне полным глубокого смысла. Он был необходимым дополнением к пейзажу. Недаром малагасиец считает мотыльков духами своих предков.

Здесь могилам было более ста лет; вся жизнь наложила свой отпечаток на деревянные изображения, но смысл их ясен малагасийцу и сегодня. В иной мир покойника сопровождали коровы — священные животные, птицы — олицетворяющие, по

ТРАНЗИСТОРЫ И ДЕМОНЫ

В центре Ампанихи большая базарная площадь. Раз в неделю, по пятницам, пастухи из далекого захолустья пригоняют сюда на продажу скот. Скота обычно бывает гораздо больше, чем нужно для продажи. Мне объяснили: явление это имеет свою

Окончание. Начало см. «Азия и Африка сегодня» № 11 за 1983 год.

психологическую основу. Особо почетным делом для здешних парней, своеобразным критерием мужества, было некогда хищение скота. А теперь, когда занятие это вышло из моды, и власти все менее благосклонно стали относиться к подобным проявлениям молодечества и удали, молодцам-махафали не осталось ничего другого, как пригонять свои стада в Ампанихи и гордиться их числом.

Каждую пятницу базарная площадь наполняется густым ревом скота, блеянием овец и коз. Я отчетливо ощущаю, как наслаждаются пастухи царящей здесь шумной и душевной атмосферой. Это их родная стихия, они совершенно счастливы. А на мой взгляд, здесь чего-то недостает. Тридцать лет назад люди южных племен любили в праздничные дни украшать свои головы смешными, искусно заплетенными косичками, любили игру на различных музыкальных инструментах, дикие ритмы барабанов...

Теперь на базаре в Ампанихи не было ни музыки, ни пения, ни танцев, а в разлохмаченных головах прозаически торчали импортные французские гребни — последний крик современной моды.

Но что это? Я даже остановился: до меня долетели бравурные звуки румбы. Непостижимо! Румба у махафали? Подойдя ближе к группе пастухов, я с удивлением обнаружил в руках одного из них транзистор. Владелец чудодейственного ящичка с видом знатока ловил в эфире милую для его сегодняшнего восприятия мелодию. Оказалось, что на базаре не один такой ящичек — транзисторы были у многих. Говорят, они безотказно действуют на девушек. Раньше молодой человек должен был красть шек, теперь достаточно обзавестись транзистором — и благосклонность красавицы ему обеспечена.

Вернувшись домой, я поносил современность, что так жестоко обошлась с прежними обычаями, до такой степени все изменила. Послушав меня, мой хозяин рассмеялся: на самом деле изменилось многое; то, что бросилось мне в глаза, было лишь оболочкой, тонким слоем лака, под которым все сохранилось в прежнем виде. Чтобы не быть голословным, он вывел меня на окраину селения и показал жалкого вида хижину. По всей видимости, ее начали строить год назад, но потом строительство было прервано, и она осталась незаконченной по сей день.

— Может быть, этот человек раздумал? — предположил я вслух. — Может, ему разонравились здешние места?

— Нет, — заверил меня хозяин. — Все гораздо проще: он боится злых духов и хочет их обмануть. Если построить хижину сразу, демоны могли бы рассердиться и начать вредить ему из зависти.

— Так что же, новосел решил поставить на этом крест?

— Ни в коем случае. Он достроит свой дом через год или два, когда духи успокоятся, перестанут завидовать, забудут о нем.

Мы шли по той части Ампанихи, где издавна селились только малагасийцы. Хижины стояли на некотором расстоянии друг от друга, на голом месте. Никакой растительности вокруг — ни зеленого кустарника, ни даже фруктовых деревьев. Здесь не выращивали овощей и фруктов, не нуждались, казалось, в благословенной древесной тени.

— Знаете, почему они не сажают деревья? — обратился ко мне мой спутник.

— Забыли о такой возможности? — пошутил я.

— Нет, не забыли. Они просто боятся уподобить свою жизнь короткой жизни растений. Ведь деревья живут недолго, и люди, посадившие их, тоже должны рано умереть!

НАРОДЫ БОЛЬШОГО ОСТРОВА

Основное население Мадагаскара — народности, принадлежащие к малайско-полинезийской семье языков. Среди них выделяются этнические группы: мерна (самая многочисленная), бецилеу, бецимисарака, цимихети, сакалава, махафали, антандруи, бара. Эти народности, объединяемые под общим именем малагасийцы, являются, по мнению ряда авторитетных ученых, потомками древнего населения острова, которое сложилось в результате смешения племен, пришедших с Африканского континента, и древних переселенцев из Юго-Восточной Азии, пересекших в незапамятные времена Индийский океан.

— Черт возьми! — вырвалось у меня. — Сколько же живут ваши деревья?

— Сто-двести лет.

— А люди?

— Сорок-пятьдесят.

— Так какое же может быть сравнение? Глупейший предрассудок!

— А разве бывают разумные предрассудки? — усмехнулся мой собеседник.

С тех пор как я живу в Ампанихи, меня каждую ночь будит приглушенный гул барабанов; время от времени раздается выстрел. В ночной тишине это воспринимается как грозное напоминание о давно отгремевших войнах. На самом же деле это траурный ритуал. Несколько недель назад здесь умер мальчик. По древнему обычаю его полуразложившийся труп покоился в родительской хижине, и неустанный барабанный бой должен был отгонять от нее злых духов. Семья умершего мальчика пользовалась в городе дурной славой. Его родичи, мошенники и попрошайки, были окружены всеобщим презрением. Смертью мальчика они воспользовались, чтобы реабилитировать себя в глазах окружающих. Выстрелы по ночам гремели как будто в честь покойника, но их истинное назначение было в том, чтобы продемонстрировать щедрую расточительность: каждый заряд стоил сто франков. Таким путем на ветер было брошено уже несколько тысяч. Между тем сотня, другая франков, истраченных на лекарства, наверняка спасла бы жизнь малышу.

Местные власти из боязни оскорбить племенную традицию запретили врачу требовать погребения покойника. Помог случай. Однажды ночью ружье оказалось заряжено слишком большим количеством пороха. Дуло разорвалось. Стрелок был ранен. Тут-то и вмешался врач. Он запретил пальбу и велел немедленно похоронить мальчика. Здравый смысл одержал верх. Махафали подчинились только потому, что поверили, будто это демоны разорвали ружье и ранили человека.